

К Р И Т И К А.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ, романъ М. В. Авдѣева, Спб. 1863 г.

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕИ, романъ въ трехъ частяхъ, М. В. Авдѣева, Спб. 1869 г.

МАГДАЛИНА, повѣсть М. В. Авдѣева, «Дѣло» 1869 г. № 1.

Подробно анализировать произведенія г. Авдѣева было бы дѣломъ бесполезнымъ и даже поучительнымъ; но сами по себѣ, по своему художественному достоинству, эти произведенія не имѣютъ права на такой анализъ. Г. Авдѣевъ принадлежитъ къ числу *подражателей*, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова. Онъ копируетъ чужіе приемы, чужія мысли и настроенія; онъ не развиваетъ ихъ, не вдохновляется ими, а только подъ нихъ поддѣлывается. Такъ сперва онъ подражалъ Лермонтову и въ своемъ «Тамаринѣ» рабски скопировалъ «Героя нашего времени»; потомъ онъ сталъ подражать Тургеневу въ своей манерѣ, а въ содержаніи сталъ копировать жоржъ-зандовскія и нныя мысли о правахъ любви вообще и женщинъ въ особенности. Къ этому послѣднему и наиболѣе славному періоду дѣятельности г. Авдѣева принадлежать три произведенія, заглавія которыхъ нами выписаны выше.

Интересъ, который имѣютъ для критики подражанія этого рода, заключается главнымъ образомъ въ *искаженіи*, которому при этомъ подвергаются мысли и взгляды, составляющіе предметъ подражанія. Подражатели всегда портятъ дѣло своихъ образцовъ; они особенно жадно усваиваютъ себѣ ихъ слабыя стороны; они опошляютъ ту идею, которую берутся защищать; они низводятъ ее до того уровня, на которомъ стоятъ сами. Поэтому, если мы хотимъ видѣть пошлыя и слабыя стороны идеи, то мы должны обратиться къ по-

дражателямъ; видѣть же эти стороны любопытно не только потому, что именно онѣ прививаются къ массѣ, именно онѣ господствуютъ въ большинствѣ исповѣдниковъ идеи, но и потому, что онѣ обличаютъ природу самой идеи. Малѣйшее зерно лжи, лежащее въ идеѣ, разрастается въ массѣ послѣдователей цѣлымъ деревомъ заблуждений, и потому можетъ быть ясно указано и обозначено.

Итакъ мы не будемъ разбирать произведеній г. Авдѣева съ тѣхъ многообразныхъ точекъ зрѣнія, которыя допускаетъ разборъ истинно-художественныхъ произведеній, дѣйствительно озаряющихъ намъ жизнь. Мы прямо возьмемъ тѣ идеи, подъ которыя г. Авдѣевъ поддѣлывается, и укажемъ тѣ искаженія этихъ идей, памятникъ и образецъ которыхъ составляютъ его произведенія. Natura писателя всегда беретъ свое, и, онъ сколько ни поддѣлывайся подъ высокія стремленія, скажется наконецъ во всей правдѣ.

Давно уже существуетъ и проповѣдуется тотъ односторонній взглядъ, по которому цѣль человѣка есть счастливая жизнь, а верховное правило дѣятельности есть способствованіе счастливой жизни людей, стремленіе къ благополучію рода человѣческаго. Мнѣнія эти очень распространены, такъ какъ они составляютъ самое простое и наивное выраженіе той жажды къ наслажденію жизнью и того состраданія къ бѣдствіямъ себѣ подобныхъ, которыя свойственны всѣмъ живымъ существамъ. Но противъ этихъ началъ всегда такъ или иначе протестовала человѣческая природа. Человѣкъ всегда стремился стать выше страданія и радости, выше того, что случайно могло быть ему дано или отъ него взято. Люди всю жизнь свою страдавшіе, и слѣдовательно, по теоріи благополучія, не достигшіе цѣли человѣческой жизни, составляютъ однако въ многихъ случаяхъ предметъ нашего глубокаго уваженія и удивленія. Напротивъ счастливыхъ мы мало любимъ и почитаемъ. Человѣкъ благополучно прожившій всю свою жизнь, часто до конца остается ребенкомъ, существомъ легкомысленнымъ и невѣдающимъ истинной цѣны жизни. Только въ несчастіяхъ испытывается и образуется воля, развивается серьезная мысль, созрѣваетъ настоящее благородство характера. Однимъ словомъ — *быть человекомъ*, вотъ главная цѣль жизни; страданія скорѣе способствуютъ, чѣмъ мѣшаютъ достиженію этой цѣли; напротивъ благополучіе очень часто бываетъ для нея помѣхою.

Очень любопытно въ отношеніи къ предмету, о которомъ мы говорили, разсужденія Джона Стюарта Милля, находящіяся въ концѣ его *Логики*. По всему складу своего ума онъ необходимо долженъ былъ

держаться теории благополучія и высказалъ это совершенно прямо и ясно.

«Не пытаюсь», говоритъ онъ, «въ этомъ мѣстѣ оправдать мое мнѣніе или даже опредѣлить допускаемый имъ способъ оправданія, я просто заявляю свое убѣжденіе, что общій принципъ, съ которымъ должны бы были сообразоваться всѣ правила практики, и повѣрка, которую они должны бы выдерживать, есть принципъ *способствованія счастью человечества, или, скорѣе, всѣхъ чувствующихъ существъ.*»

Тотчасъ же, однако, ему представилось возраженіе, указывающее, что его принципъ не обнимаетъ всей сферы нравственной дѣятельности.

«Есть», замѣчаетъ онъ, «многія добродѣтельные дѣйствія и даже добродѣтельные образы дѣйствій, которые въ частномъ случаѣ жертвуютъ счастьемъ, такъ какъ они производятъ болѣе страданія, чѣмъ удовольствія.»

Слѣдовательно необходимъ другой принципъ, совершенно отличный отъ принципа благополучія. Со всею искренностію добросовѣстнаго мыслителя, Милль указалъ этотъ другой принципъ, такъ громко говорящій въ человѣческомъ сердцѣ, что его не можетъ заглушить никакая теорія.

«Я вполне допускаю, говоритъ Милль, справедливость слѣдующаго: что *воспитаніе въ себѣ идеальнаго благородства воли и поступковъ* должно быть для индивидуальныхъ человѣческихъ существъ цѣлью, которой должно уступать, въ случаѣ столкновенія, исцаніе или ихъ собственнаго счастья, или счастья другихъ.» *)

Итакъ *душевное благородство*—вотъ высшая цѣль человѣческой жизни, такая цѣль, что если достиженію ея способствуютъ даже страданія, какъ это извѣстно изъ опыта, то и страданія должны быть благословляемы.

Милль, впрочемъ, мечтаетъ далѣе о соглашеніи обоихъ принциповъ, о томъ, что будто бы душевное благородство есть *лучшее средство* способствовать благополучію человечества. Но какъ только сдѣлано различіе принциповъ, какъ только сказано, что одинъ изъ нихъ долженъ всегда уступать другому, то ясно, что верховный принципъ имѣетъ цѣну независимо отъ принципа подчиненнаго. Весь вопросъ въ томъ и заключается, чтобы найти главную цѣль жизни, найти то, что *едино есть на потребу*. Если же мы станемъ смотрѣть на душевное благородство только какъ на сред-

*) Система логики Милля, т. II, Спб. 1867 г., стр. 536, 537.

ство, то явится возможность въ частныхъ случаяхъ прибѣгать ради общаго блага къ другимъ средствамъ, отступающимъ отъ благородства, и мы прійдемъ къ знаменитому правилу, что *нѣтъ оправданья средствъ*.

Правило это не изъ чего много и вытекло, какъ изъ предположенія, что общее благо можетъ быть верховной цѣлью для индивидуальнаго человѣка, главнымъ принципомъ, которому все остальное должно быть подчинено.

Мы не будемъ больше останавливаться на общихъ началахъ, а перейдемъ къ приложенію теоріи благополучія. Въ этомъ приложеніи, въ примѣненіи ея къ частнымъ вопросамъ, всего яснѣе обнаружится ея природа.

Какъ достигнуть общаго блага? Какъ сдѣлать жизнь человѣческую счастливою и благополучною?

Первая мысль, которая должна бы, кажется, прійти въ голову людямъ, предлагающимъ себѣ эту задачу, заключается въ томъ, что задача невозможная. Жизнь человѣческая по самой сущности дѣла заключаетъ не одни радости, но и страданія, совершенно пропорціональныя этимъ радостямъ. Какъ высоко-чувствительный организмъ, человѣкъ способенъ испытывать и великія наслажденія, и мученія, неуступающія въ силѣ наслажденіямъ. Природа столь же мало щадитъ человѣка, какъ и другихъ животныхъ, и посылаетъ на него болѣзнь, голодь, потопъ, землетрясеніе. Каждый шагъ человѣка окруженъ физическими опасностями, которыхъ никто предотвратить и предвидѣть не можетъ. И наконецъ впереди человѣка, какъ-бы благополучно онъ ни жилъ, всегда одна и таже перспектива—упадокъ сплѣ, болѣзнь и смерть.

Затѣмъ слѣдуютъ бѣдствія и страданія, которыя человѣкъ испытываетъ приходя въ соприкосновеніе съ себѣ подобными. Во-первыхъ, люди бьются и рѣжутъ другъ друга, у нихъ въ обычаѣ *война*, и трудно думать, чтобы этотъ обычай прекратился, такъ какъ вѣроятно у людей никогда не пропадетъ охота жертвовать своею жизнью въ защиту дорогаго имъ дѣла. Но и другія столкновенія однихъ людей съ другими не обходятся безъ страданій. Будетъ-ли это свободная борьба, или же правильный порядокъ,—и то и другое можетъ весьма тяжело отразиться на индивидуальномъ человѣкѣ. Въ борьбѣ—напримѣръ экономической — человѣкъ можетъ быть задавленъ вслѣдствіе тысячи случайностей .и неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Точно также и всякій порядокъ, всякая правильная связь между людьми, по сущности дѣла, стѣсняетъ и свя-

зываетъ отдѣльныя личности и слѣдовательно въ частныхъ случаяхъ можетъ быть источникомъ великихъ страданій. Каковъ бы ни былъ строй общества, онъ всегда будетъ препятствіемъ, о которое можетъ разбиться частная воля, такъ точно, какъ неизблемые законы міра физическаго безпрестанно бывають причиною гибели отдѣльныхъ организмовъ.

Наконецъ человѣку свойственны еще *нравственныя страданія*, больше всѣхъ другихъ не дающія ему отдыха и тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ выше его нравственное развитие. Человѣкъ постоянно волнуется желаніями, воспоминаніями, надеждами. Онъ не можетъ отдѣлаться отъ своего прошедшаго, не можетъ не тревожиться о будущемъ, не можетъ довольствоваться настоящимъ. Возможность страданій заключается уже въ томъ, что каждый человѣкъ развивается лишь постепенно, слѣдовательно долго не вполне понимаетъ себя и другихъ. Грѣхи юности вошли въ пословицу, и рѣдкій человѣкъ не желалъ бы измѣнить свое прошлое. Самая способность желать и привязываться, отъ силы которой зависитъ размѣръ человѣческаго счастья, неизбѣжно содержитъ возможность страданій, пропорціональныхъ развитію этой способности. Кто сильно любитъ, тотъ испытываетъ и сильныя мученія отъ потери любимаго предмета; кто сильно жаждетъ, тотъ и сильно страдаетъ отъ недостиженія предмета своихъ желаній. Чтобы быть спокойнымъ въ жизни есть только одно средство—быть ко всему равнодушнымъ.

Мы мелькомъ и бѣгомъ касаемся здѣсь темы обширной и общеизвѣстной; человѣческія страданія давно извѣстны людямъ и подробно раскрыты въ безчисленныхъ книгахъ, начиная отъ Библии до Шекспира и всевозможныхъ философовъ и поэтовъ. При этомъ мы вовсе не говоримъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя производятся всякаго рода злыми и порочными свойствами людей; нѣтъ, мы хотѣли указать только на тѣ страданія, которыя прямо и естественно вытекають изъ самой ограниченности человѣческаго существа: человѣкъ ограниченъ во времени и въ пространствѣ; силы его имѣють извѣстные предѣлы; и онъ и все, что до него касается, подвержено случайностямъ; жизнь человѣка есть явленіе непрочное, непрерывно измѣняющееся, преходящее. Какъ-же мечтать о счастіи, когда каждое изъ этихъ ограниченій чувствуется человѣкомъ какъ страданіе?

Наша мысль будетъ яснѣе, если мы посмотримъ, что добиваются послѣдователи теоріи благополучія. Если мы увидимъ, что они пришли къ нелѣпостямъ, то намъ будетъ ясно, что они задались невозможною цѣлью.

Но прежде сдѣлаемъ оговорку. Надѣмся, что читатели не подумаютъ, будто мы вооружаемся противъ обязанности любить людей и помогать имъ всѣми силами. Любовь къ людямъ—дѣло прекрасное и святое, но мы здѣсь вовсе не о ней говоримъ. Если мнѣ скажутъ: *люби людей, помогай имъ*, то я конечно не буду въ правѣ отвѣчать: не могу. Нѣтъ, это дѣло возможное и отъ меня самого зависящее. Но если мнѣ скажутъ: *Одѣлай людей счастливыми*, то я буду совершенно правъ, если отвѣчу: не могу и не берусь; я готовъ любить ихъ, готовъ всячески облегчать ихъ страданія и способствовать ихъ благополучію, но не могу ручаться, что сдѣлаю ихъ счастливыми, я не знаю возможень-ли такой результатъ, или даже на оборотъ, я знаю, что онъ невозможенъ. Въ первомъ случаѣ цѣль и заповѣдь есть *любовь*, дѣло можетъ быть и не очень легкое, но возможное; въ другомъ случаѣ цѣль и заповѣдь есть *счастіе*,—дѣло не только трудное, но и вовсе невозможное. И такъ послѣдователи теоріи благополучія отличаются отъ простыхъ послѣдователей Христа не тѣмъ, что они одни преданы любви къ людямъ и заботятся о благѣ человѣчества, а тѣмъ, что они увѣрены въ возможности счастія человѣчества что они ручаются за это счастіе и знаютъ будто-бы пути, которыми оно можетъ быть и непременно должно быть достигнуто. Посмотримъ же, каковы эти пути.

Что касается до физическихъ источниковъ страданій, то неизбежность ихъ слишкомъ ясна, и потому ихъ не отрицаютъ, но за то и не удостоиваютъ надлежащаго вниманія, какъ такой вопросъ, гдѣ много умствовать невозможно. Обыкновенно возлагаются большія надежды на медицину; предполагаютъ, что эта наука со временемъ, откроетъ средства пресѣкать и предъупреждать всѣ болѣзни, какими страдаютъ люди. Но, если бы даже это было вполнѣ возможно, то останется еще многое, о чемъ и мечтать непозволительно. Нельзя сдѣлать человѣческое тѣло такимъ крѣпкимъ, чтобы оно не разбивалось въ случаѣ паденія, не горѣло отъ огня, не страдало отъ случайной порчи или случайнаго недостатка воздуха, пищи, воды, теплоты.—Опасности всегда будутъ грозить гибелью человѣку, и наконецъ одни алхимики могли мечтать объ избѣжаніи смерти, которая непременно наступитъ, какъ бы мы себя ни сберегали.

Если затѣмъ мы перейдемъ къ страданіямъ человѣка въ обществѣ, то тутъ открывается уже больше простора для борьбы, больше возможности устранить зло. Многіе думаютъ, что общественное зло

можетъ быть вовсе уничтожено, что возможно общество, въ которомъ люди ни мало не стѣсняли бы другъ друга,—задача, которая не кажется трудною и невозможною только потому, что людей считаютъ существами, способными вполне управлять своими дѣйствіями и строго подчинять ихъ заранѣ составленнымъ правиламъ. Едва ли, однакоже, люди сами себя знаютъ и могутъ располагать своею природою. Путь отдѣльнаго человѣка среди другихъ людей всегда будетъ обставленъ препятствіями и опасностями, по той простой причинѣ, что никто не знаетъ мѣры своихъ силъ, что назначеніе каждаго не только не можетъ быть вѣрно опредѣлено другими, но неясно и для него самого.

Главная задача, о которой хлопочутъ поклонники благополучія, повидимому проще и нагляднѣе всѣхъ другихъ, именно состоитъ въ устраненіи страданій бѣдности и нищеты. Мы не будемъ разсматривать здѣсь попытокъ вполне достигнуть этой весьма желательной цѣли; замѣтимъ только, что главная трудность здѣсь заключается, кажется, въ невозможности устранить изъ дѣла нравственный элементъ. Еслибы матеріальное благосостояніе было главною цѣлью людей, они навѣрное давно бы его достигли; но люди всегда расположены пренебрегать своими матеріальными нуждами, рисковать своимъ здоровьемъ, имуществомъ и даже жизнью—изъ-за какихъ-нибудь другихъ цѣлей, имѣющихъ для нихъ большую привлекательность, чѣмъ матеріальное довольство.

Перейдемъ прямо къ предмету нашей статьи, къ нравственнымъ страданіямъ. Въ этой сферѣ, какъ намъ кажется, вопросъ получаетъ наибольшую ясность. При томъ мы должны будемъ ограничиться случаями въ высшей степени опредѣленными. Собственно намъ слѣдуетъ говорить только о любви между мужчинами и женщинами, такъ какъ именно этому предмету посвящены разбираемые нами сочиненія г. Авдѣева. Попробуемъ сперва взять вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Половые отношенія представляютъ самое многостороннее явленіе человѣческой жизни. По своей животной сторонѣ они могутъ быть отнесены къ физическимъ потребностямъ, а по нравственному смыслу, который вносится въ нихъ человѣкомъ, они принадлежатъ къ самой высокой сферѣ душевной жизни. И чѣмъ сложнѣе и многостороннѣе это явленіе, тѣмъ сложнѣе и многостороннѣе страданія, которыхъ оно можетъ быть источникомъ. Если человѣчество страдаетъ отъ такой простой потребности, какъ потребность пищи и питія, если нельзя отвратить всѣхъ случаевъ, когда эта потреб-

ность неудовлетворяется, то во сколько разъ больше бѣдъ должно порождать стремленіе, которое по своей высотѣ и сложности почти никогда не достигаетъ совершеннаго выполненія?

Чувства, возникающія между мужчиною и женщиною, начинаясь съ животнаго влеченія, могутъ доходить до удивительной высоты и силы. Въ разной степени, но у всѣхъ есть возможность къ этимъ чувствамъ и всякій желалъ бы жить этими чувствами. Каждому мужчинѣ желалось бы горячо полюбить женщину, встрѣтить съ ея стороны отвѣтную любовь, имѣть возможность назвать ее своею женой, сохранить эту связь крѣпкою, ненарушимою, имѣть дѣтей, пережить всѣ измѣненія взаимнаго чувства, начиная отъ перваго пыла страсти до той глубокой нѣжности, которая соединяетъ старыхъ супруговъ.

Вотъ идеаль отношеній между мужчиною и женщиною. Спрашивается, многимъ-ли онъ доступенъ, многими-ли достигается? А между тѣмъ каждое уклоненіе отъ этого идеала имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—страданіе. Ибо человѣкъ не животное, и отъ несбывшихся надеждъ также страдаетъ, какъ и отъ лишеній настоящей минуты.

Какъ мы сказали, человѣкъ есть существо ограниченное, а потому неизбѣжно подверженъ случаямъ невыполненія своихъ желаній. Если бы для исканія любви и семейнаго счастья намъ было дано неопредѣленное время, то можно бы еще предполагать, что каждый найдетъ его рано или поздно. Но и дни и силы человѣка измѣрены. Нельзя воротить молодости, нельзя предотвратить старости. Мужчина или женщина, сдѣлавшія одну—двѣ неудачныя попытки устроить себѣ брачныя отношенія, обыкновенно тратятъ на нихъ столько времени, свѣжести, чувствъ и силы, что потомъ уже становятся невозможны новыя попытки. Въ сущности эти случаи похожи на случаи искалѣченія, невозвратной и незамѣнимой потери какой-нибудь части организма. Если вы потеряли руку или глазъ—то уже дѣло кончено, и бѣды ничѣмъ поправить нельзя. Такъ точно, если у васъ потеряна молодость, если неудачна была ваша первая глубокая любовь,—жизнь ваша (въ этомъ отношеніи) испорчена и ничѣмъ быть поправлена не можетъ.

Посмотримъ теперь, что же говорятъ проповѣдники человѣческаго благополучія. Случай, на который написаны три произведенія г. Авдѣева (и на которомъ точно также основанъ романъ *Что дѣлать*) представляетъ одно изъ самыхъ ясныхъ и простыхъ человѣческихъ несчастій, а именно: *жена измѣняетъ мужу.*

Варіяціи на эту тему сдѣланы г. Авдѣевымъ слѣдующія:

Въ «Подводномъ камнѣ» жена любитъ мужа, но встрѣчается съ мужчиною больше молодымъ и красивымъ, охладѣваетъ къ мужу и влюбляется въ юношу.

Въ «Межъ двухъ огней» жена равнодушна къ мужу и, встрѣтившись съ красивымъ юношей, отдается ему.

Въ «Магдалинѣ» жена любитъ мужа и неперестаетъ его любить, но отдается другому мужчине потому, что мужъ уѣзжаетъ на долгое время. Когда мужъ возвращается, жена прогоняетъ любовника и продолжаетъ любить мужа по прежнему.

Таковы эти исторіи, въ завязкѣ которыхъ, какъ читатель видитъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ развѣ необыкновенной пошлости послѣдней исторіи. Но новое и необыкновенное заключается въ развязкѣ этихъ событій, не въ томъ, какъ ведутъ себя жены, а въ томъ, какъ поступаютъ при этомъ мужья.

Мужъ въ «Подводномъ камнѣ» отпускаетъ отъ себя жену съ любовникомъ; когда же любовникъ охладѣлъ къ героинѣ, и она возвращается домой, мужъ принимаетъ ее и они снова наслаждаются семейнымъ счастьемъ.

Мужъ въ «Межъ двухъ огней» приглашаетъ любовника своей жены жить къ себѣ въ домъ; когда жена, вслѣдствіе связи, приходитъ въ интересное положеніе, мужъ обѣщаетъ ей усыновить ребенка. Любовникъ бросаетъ жену, какъ и въ первомъ разсказѣ; у жены является новый обожатель; но на этомъ интересномъ мѣстѣ авторъ задерживаетъ занавѣсъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако-же, что мужъ и впередъ не будетъ обижать жены, и подъ конецъ, вѣроятно, заживетъ съ нею по прежнему.

Наконецъ, въ «Магдалинѣ» мужъ, ничего незнавшій и уже наслаждавшійся, по возвращеніи, семейнымъ счастьемъ, узнаетъ о прошломъ и сначала сердится. Онъ не обижаетъ жены, но разрываетъ съ нею брачныя отношенія. Когда же та отъ горя умираетъ, мужъ сознаетъ свою ошибку и раскаивается. Онъ чтитъ память своей жены и нѣжно любитъ ребенка, о которомъ не знаетъ достоверно, отъ кого онъ родился.

Именно въ поведеніи мужей и заключается наставительность разсказовъ г. Авдѣева; первые два мужа выставлены, какъ образцы гуманныхъ людей, ведущихъ себя сообразно съ просвѣщенными идеями; послѣдній мужъ выставленъ человѣкомъ пустымъ, исполненнымъ предрассудковъ, отъ чего онъ и впадаетъ въ грубый прѣ-

махъ, и только на горькомъ опытѣ убѣждается, что поступилъ дурно.

И такъ, г. Авдѣевъ научаегъ насъ, что измѣна жены вовсе не есть неисправимое бѣдствіе,—что стоитъ только быть гуманнымъ и чуждымъ предразсудковъ, чтобы все обошлось благополучно, и чтобы никто не пострадалъ. Неправда-ли, что интересна та мудрость, которая можетъ привести къ такимъ блистательнымъ результатамъ? Попробуемъ изложить главныя основанія этой мудрости.

Существенный принципъ заключается въ томъ, что любовь между мужчиной и женщиной есть величайшее благо, лучшее наслажденіе, какое можетъ представить жизнь. «Что за жизнь безъ любви?» говоритъ Камышлинцевъ, герой романа «Межь двухъ огней»; «вѣдь это произрастаніе! Да еще и произрастаніе-то безъ цвѣта, безъ аромата! *Какъ-же можно отказывать себѣ въ этомъ чувствѣ, которымъ однимъ только и красна жизнь!* Вѣдь это... половина самоубійства, это самоискалѣченье!» («Межь двухъ огней», стр. 77).

И такъ, прямой выводъ, къ которому послѣдовательно приходитъ теорія благополучія, будетъ тотъ, что *не должно отказываться отъ счастья любви*. Гдѣ-бы и какъ-бы ни явилась любовь, она имѣетъ право на существованіе, ибо въ ней достигается цѣль жизни — счастье. Мѣшать любви — значитъ мѣшать людямъ достигать этой цѣли.

Но какъ-же является любовь? Какъ получается и сохраняется это великое благо? На это намъ отвѣчаютъ, что любовь есть явленіе случайное, прихотливое, ни мало не зависящее отъ воли и усилий человѣка, который испытываетъ это чувство. *Наши чувства отъ насъ не зависятъ* — вотъ аксіома этой школы. Въ «Подводномъ камнѣ» Соковлинъ, выслушавъ признаніе въ любви отъ своей невѣсты, говоритъ ей:

«Во мнѣ есть убѣжденіе, твердое, неизмѣнное, что *чувства не зависятъ отъ насъ*. Я вѣрю, что они могутъ не измѣняться, но могутъ и измѣниться—*все дѣло случая и обстоятельствъ, какъ болѣзнь*... Дайте мнѣ слово, что если когда-нибудь... *хоть завтра... хоть на другой день свадьбы*... если эти чувства измѣнятся,... если вы увидите, что ошибались въ нихъ или во мнѣ, что я не стою ихъ, или другой лучшей заставитъ ихъ измѣниться... тогда..., тогда вы мнѣ прямо, какъ другу, какъ брату, скажете объ этомъ. («Подводный камень» стр. 142).

Влюбленная дѣвушка обижается такими рѣчами, но потомъ ока-

зывается, что ея опытный жених былъ совершенно правъ въ своихъ предположеніяхъ.

Итакъ въ любви все дѣло *случая и обстоятельствъ*; она не подводится ни подъ какія правила и можетъ внезапно исчезнуть *завтра или на другой день свадьбы*.

Часто ли, однако же, являются подобныя неотразимыя чувства и ничѣмъ непреодолимыя перемѣны? Составляютъ ли они исключеніе или общее правило? Если вѣрить г. Авдѣеву, то эта слѣпая, неудержимая страсть любви господствуетъ надъ всѣми смертными и перемѣны въ ней случаются непрерывно.

«Когда Камышлинцевъ (молодой холостякъ) и Мытищева (молодая замужняя женщина) остались вмѣстѣ, они почувствовали, рассказываетъ г. Авдѣевъ, то особенное, пріятное и нѣсколько смущающее ощущеніе, которое всегда *является само собою, если молодой мужчина и молодая женщина, непристроившіе еще никуда свое такъ называемое сердце, остаются съ глазу на глазъ*. Тотчасъ какъ будто подумается: «ну вотъ мы и одни! что же выйдетъ изъ этого?» и при этомъ мужчина *иначе поглядитъ на женщину*, а женщина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и сама иначе подумаетъ о своемъ собесѣдникѣ.» («Межъ двухъ огней», стр. 72).

И такъ вотъ простѣйшій *случай* и обыкновеннѣйшія *обстоятельства*, въ которыхъ можетъ возникнуть непреодолимая любовь. Въ другомъ романѣ, молодой человѣкъ такъ объясняется съ молодой замужней женщиной:

«Неужели вы думаете, что человѣкъ *еще молодой и свободный* можетъ встрѣчаться съ женщиной, *какъ вы*, въ добавокъ съ женщиной, которая ему нравилась, безъ того, чтобы ему не хотѣлось ея любви, когда и безъ того *ни одинъ мужчина не встрѣчаетъ равнодушно симпатичную ему женщину!* Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я зачерствѣлъ или превратился въ кусокъ льда? Да вѣдь это была бы *болезнь или уродство...*» («Подводный камень», стр. 181).

И такъ свободный молодой человѣкъ, если онъ не уродъ и не боленъ, непременно желаетъ любви каждой симпатичной ему женщины. Такъ говорятъ юноши; но, какъ отгрызаетъ намъ г. Авдѣевъ, и старцы не менѣе юношей подвержены власти любви.

«Любовь, говоритъ онъ, есть не только одно изъ самыхъ великихъ; но и самыхъ живучихъ чувствъ. Она пронизываетъ все животное царство *), и есть первый двигатель и источникъ жизни.

*) Г. Авдѣевъ упустилъ изъ виду царство растительное, которое также представляетъ различіе половъ.

Она переживаетъ въ человѣкѣ и его молодость и силы. Старческая любовь можетъ быть не менѣ сильна и глубока, чѣмъ всякая иная: опытъ, даже опасеніе и боязнь смѣшнаго — и тѣ не всегда мѣшаютъ ей выказываться! Спросите женщину, на какія пожертвованія, на какое безуміе способна остающійся съ ней на единъ старикъ, — и вы убѣдитесь, что по мѣрѣ утраты правъ на это великое и сладчайшее чувство, человѣкъ, кажется, болѣе и болѣе дорожить его послѣднимъ проблескомъ, послѣдними крупницами самой роскошной трапезы, и надо имѣть болѣе чѣмъ когда-либо самообладанія, силы воли и глубоко-трезваго взгляда, чтобы сознавъ пору увиданія, съ грустью, но твердо сказать себѣ: «эту прелестнѣйшую сторону жизни я отжилъ навсегда!» («Межь двухъ огней», стр. 94 и 95).

Таково положеніе дѣла. Мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ справедливости этихъ картинъ; мы думаемъ даже, что авторъ очень мѣтко выразилъ въ нихъ образъ мыслей и дѣйствій, если не человечества вообще, то извѣстной доли нашего просвѣщеннаго общества, что есть дѣйствительно среда, въ которой молодой мужчина желаетъ любви каждой молодой женщины, и оставшись съ ней наединѣ, начинаетъ смотрѣть на нее иначе, старики же въ подобномъ случаѣ пускаются на всякія безумства.

Нельзя не замѣтить, что авторъ очевидно радуется такому обилію великаго и сладчайшаго чувства среди тѣхъ людей, которыхъ онъ описываетъ; и въ самомъ дѣлѣ, если въ любви счастье, то чѣмъ его больше, тѣмъ лучше.

Но какъ же при этомъ изобиліи счастья избѣжать страданій? Какъ сдѣлать, чтобы при такомъ порядкѣ вещей мужья и возлюбленные не мучились отъ того, что ихъ жены и подруги охладѣваютъ къ нимъ, влюбляются въ другихъ и, наконецъ, вовсе покидаютъ своихъ прежнихъ сожителей? Вотъ существенный вопросъ и вотъ гдѣ обнаруживается вся сила и всѣ свойства теоріи благополучія.

Проповѣдники счастья требуютъ въ этомъ случаѣ, чтобы человѣкъ измѣнилъ свои чувства, чтобы онъ силою ума подавилъ въ себѣ тѣ непріятныя волненія, которыя испытываютъ люди грубые и непросвѣщенные. Обыкновенно при измѣнѣ въ любви люди мучатся ревностію, начинаютъ ненавидѣть женщину, которая имъ измѣнила, и мужчину, къ которому перешла любовь этой женщины, и наконецъ, если и побораютъ въ себѣ злобу противъ нихъ, то чувствуютъ глубокое горе и разочарованіе. Очень часто теряется при этомъ

всякая вѣра въ любовь и всякая охота къ дальнѣйшимъ любовнымъ похождениямъ.

Все это требуется устранить; проповѣдники счастья надѣются, что они могутъ своими убѣжденіями искоренить въ людяхъ всякую возможность подобныхъ чувствъ и даже внушить людямъ чувства совершенно противоположныя.

Ревность, злоба, отчаяніе и пр. все это признается чувствами *фальшивыми, напускными, противными природѣ*. Ревность есть нелѣпость; она основывается или на зависти къ чужому счастью, или на томъ предрасудкѣ, по которому мужчина считаетъ женщину своей исключительной собственностью, унижаетъ ее на степень своего сертука или халата, ему одному принадлежащаго. Питаться къ любящимся злобу также нелѣпо; скорѣе нужно радоваться ихъ взаимному счастью и сколько возможно способствовать ему. Наконецъ приходить въ отчаяніе тоже не слѣдуетъ, а нужно спокойно покориться необходимости и приняться энергически искать себя новой любви, на мѣсто той, которую мы потеряли.

Таковъ новый кодексъ новыхъ чувствъ, которыми должны руководиться просвѣщенные и прогрессивные люди въ дѣлахъ любви.

Да, мы и забыли было объ одномъ существенномъ пунктѣ: женщина, измѣнившая мужинѣ, можетъ опять заключить съ нимъ союзъ любви, ибо несправедливо и негуманно сердиться за то, что ужъ прошло, чего больше нѣтъ.

Весьма любопытно было бы съ точностію анализировать эти новыя правила жизни, на что, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ времени; мы постараемся только дать читателю общее понятіе объ этомъ образѣ чувствъ и мыслей. Главныя черты его, намъ кажется, слѣдующія: 1) должно сочувствовать чужому благополучію, 2) должно думать только о настоящемъ, существенномъ, забывать прошлое и не заботиться о будущемъ.

Прекрасное зрѣлище двухъ любящихся существъ должно восхищать насъ. Въ романѣ «Между двухъ огней» нѣкто Ольга Мышцѣва измѣняетъ своему мужу. У мужа есть братъ, декабристъ и умнѣйшій человѣкъ, котораго чувства должны служить намъ образцомъ. И вотъ что рассказываетъ г. Авдѣевъ объ этомъ умномъ старикѣ: «Мы говорили, что онъ очень любилъ Ольгу, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о ея связи, по странному, но общему всѣмъ мужчинамъ свойству, она ему стала нравиться еще болѣе». (стр. 209).

Вотъ какъ слѣдуетъ чувствовать въ подобныхъ случаяхъ. Во-

вторыхъ, и главное дѣло—нужно имѣть въ виду только настоящее. Въ повѣсти «Магдалина» мужъ, узнавши, что въ его отсутствіе жена его любила съ другимъ, спрашиваетъ ее съ гнѣвомъ: «такъ это правда? Онъ былъ твоимъ любовникомъ?»

«Послушай», отвѣчаетъ ему жена: «есть вещи, о которыхъ не говорятъ, и я не знаю, по какому праву ты меня допрашиваешь объ этомъ. Я тебѣ сказала, что отдала его, и ты самъ, надѣюсь, видишь, что я люблю тебя и люблю тебя одного: *чегожь тебѣ еще?*» («Дѣло» № 1. стр. 118).

По глупости и по закоренѣлости въ предразсудкахъ, мужъ не можетъ понять этой разумной рѣчи и продолжаетъ злиться и ругаться; между тѣмъ какъ еслибы онъ вразумился, онъ, очевидно, успокоился бы и былъ бы счастливъ.

Надѣмся, читателямъ ясна теперь главная суть этой теоріи благополучія. Легко развить эту теорію до конца и съ точностію выразить идеаль, къ которому она стремится. Чтобы люди были счастливы въ любви, они должны вполнѣ покоряться влеченію этого чувства, за измѣну не сердиться, стараго не вспоминать, о будущемъ не думать и одинаково любить какъ своихъ, такъ и неизвѣстно—чьихъ дѣтей, рожденныхъ ихъ женою (такъ поступаетъ мужъ «Магдалины», умудренный, наконецъ, горькимъ опытомъ). Однимъ словомъ, люди должны отбросить всѣ *фальшивыя* чувства, заботы, мысли и различія и руководиться только однимъ *великимъ и сладчайшимъ* чувствомъ любви.

Что-же сказать объ этомъ идеаль? Съ точки зрѣнія счастья онъ, право, очень недурень. Для счастья человѣчества, можетъ быть, было бы хорошо, еслибы люди перестали думать и помнить, еслибы они отказались отъ разныхъ мечтаній и притязаній и приблизились бы къ животнымъ. Животныя, безъ всякаго сомнѣнія, счастливѣе людей; они спокойнѣе, довольнѣе собою и вполнѣ способны жить однимъ настоящимъ. У Овидія Мирра, дочь, влюбленная въ отца, горько завидуетъ коровамъ и лошадямъ. Да и вообще зависть къ счастью животныхъ очень нерѣдко выражалась людьми; вспомните, на примѣръ, Жанъ-Жака Руссо.

Но, бѣдное человѣчество! Оно едва-ли когда-нибудь будетъ въ силахъ измѣнить характеръ своихъ чувствъ, едва-ли когда-нибудь даже пожелаетъ такой перемѣны. Люди не откажутся отъ своихъ высшихъ радостей, отъ своихъ лучшихъ стремленій только потому, что съ этими радостями связаны и соотвѣтственные страданія. Люди всегда будутъ мечтать о такой любви, при которой потеря любви-

мага человѣка незамѣнима, подобно тому, какъ ничѣмъ нельзя замѣнить потерю матери или дѣтей. Чтобы уничтожить, горе, которое намъ можетъ причинить утрата материнской любви или радости, доставляемой намъ дѣтьми, есть очень простое средство: пусть дѣти никогда не знаютъ своихъ родителей, а родители своихъ дѣтей. Такъ это дѣлается у животныхъ, у которыхъ семейство распадается, какъ скоро кончено дѣло воспитанія. Но едва-ли, говоримъ мы, человѣчество когда-нибудь прибѣгнетъ къ этой мѣрѣ для облегченія своихъ страданій и станетъ искусственно (скрывая дѣтей отъ родителей) производить то, что у животныхъ дѣлается естественно (вслѣдствіе забыванія и погруженія въ настоящее). Точно также скорое утѣшеніе новою любовью, послѣ потери старой, едва-ли когда-нибудь будетъ для человѣчества идеаломъ любовныхъ отношеній. Къ великому своему несчастью, люди помнятъ прошлое и не хотятъ отказаться отъ этой памяти; поэтому они бывають безутѣшны и стремятся не къ такому счастью, которое легко забыть и замѣнить новымъ.

Но всего этого слѣдуетъ, что проповѣдники благополучія очень дурно понимаютъ человѣческую жизнь, видятъ въ ней нѣчто гораздо менѣе серьезное и глубокое, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ взгляды отзываются легкомысліемъ юности и неопытности, не смотря на то, что иные изъ этихъ проповѣдниковъ украшены сѣдинами; эти люди, очевидно, не прошли горькаго опыта, не извѣдали ни тѣхъ высокихъ желаній, которыя можетъ питать человѣкъ, ни той глубины горя, до которой можетъ довести его жизнь. Для проповѣдниковъ счастья все легко, все возможно, чѣмъ они доказываютъ не столько свое благорасположеніе къ роду человѣческому и сочувствіе его страданіямъ, сколько свое собственное благополучное настроеніе, свое незнаніе серьезныхъ чувствъ и мыслей. Чтобы такъ настойчиво желать счастья и такъ увѣренно проповѣдывать это желаніе, нужно находиться въ нѣкоторомъ легкомъ и пріятномъ расположеніи духа, нужно испытывать нѣкоторое довольство собою и своею судьбою. Не весело дѣйствительнымъ страдальцамъ слушать рѣчи, произносимыя въ этомъ тонѣ и духѣ; да и всякій серьезный человѣкъ не воздержится отъ насмѣшки при видѣ такого наивнаго счастья.

Что касается, въ частности, до г. Авдѣева и его любимой темы, то легко убѣдиться, какъ мало его произведенія захватываютъ серьезную сторону жизни, какъ слабо онъ понимаетъ истинно-человѣческія чувства и желанія. Картины счастья, которыя онъ ри-

суеть, ни мало не привлекательны. Любовь, это великое и сладчайшее чувство, всеобщую силу котораго онъ постоянно восхваляетъ, не имѣетъ въ его разсказахъ никакой прелести и скорѣе способна внушить отвращеніе. Это не любовь въ настоящемъ смыслѣ, а простое, вялое, холодное сластолюбіе, изъ-за котораго не стоить ни страдать, ни жертвовать. Всѣ эти жены, измѣняющія своимъ мужьямъ, и мужья, прощающіе своихъ женъ и вновь живущіе съ ними, поражаютъ насъ не избыткомъ жизни, а напротивъ явную мертвенностію, явнымъ отсутствіемъ всякихъ живыхъ и теплыхъ чувствъ, и тѣмъ отвратительнѣе та комедія мнимыхъ волненій и влеченій, которую они разыгрываютъ между собою. Вотъ міръ, въ которомъ невозможно быть счастливымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни одного теплаго сердца, ни одного дѣйствительнаго человѣка.

Безжизненность — такова самая основная и характеристическая черта произведеній г. Авдѣева. И эта школа необходимо должна была придти къ непониманію жизни, къ отрицанію ея существеннаго содержанія. Давно замѣчено, что люди глупые, легкомысленные, слабо чувствующіе и мыслящіе, живутъ на свѣтѣ легче и счастливѣе другихъ. Г. Авдѣевъ вполне подтверждаетъ это замѣчаніе своими разсказами. Счастье, которое онъ рисуетъ и проповѣдуетъ, основано на совершенномъ невѣденіи истинныхъ радостей и горестей человѣческой жизни.

Н. СТРАХОВЪ.

1869 г. 4-го апрѣля.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ. Б. Чичерина. т. I. Древность и средніе вѣка. Москва. 1869.

Года полтора тому назадъ, г. Чичеринъ оставилъ Московскій университетъ, гдѣ до того времени, онъ занималъ кафедру государственнаго права. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ, побудившихъ его къ этому, нельзя не пожалѣть, что университетъ лишился трудолюбиваго и талантливаго преподавателя. Удаленіе г. Чичерина изъ университета, было тѣмъ прискорбнѣе, что вмѣстѣ съ профессорствомъ, могла превратиться его ученая дѣятельность.

Но этого не случилось. Предъ нами лежитъ первый томъ обширнаго сочиненія. За первымъ, вѣроятно послѣдуетъ и второй, ибо авторъ намѣренъ, по его словамъ, посвятить этому сочиненію весь свой досугъ.